О лорд-хранитель, знай своё время...

Ох блин, Лионель Картрейсис рассказал Гектору куда больше, чем он ожидал. Для человека заявившего, что не хочет плохо говорить о своей тёте, из него вырвалось на удивление много слов, и он всё не останавливался и не останавливался. Спустя какое-то время Гектор понял, что Лионель не столько хочет изменить его мнение об Амелии, сколько рад наконец-то появившейся возможности высказаться перед кем-то.

Что, по-своему, казалось странным. Гектор был уверен, что другие члены его семьи с радостью послушали бы как он жалуется.

Хотя, если подумать, то нет. Лионель ведь глава дома Картрейсис. Может быть, он не хочет, чтобы его посчитали слабым нытиком?

Но это не имело значения, считал Гектор. Он как-то обособился, заглушил его слова на фоне, и обсуждал с Гарвелем, как можно было бы выйти из этой ситуации.

В итоге Гектор положился на довольно неплохое оправдание: сказал, что ему предстоит встретиться со множеством людей до наступления ночи, а Лионель тут же принялся извиняться, видимо вернув над собой контроль.

И после всего этого Гектор так и не понял, как ему оценивать Амелию Картрейсис и её семью.

Следующие несколько встреч прошли более гладко, наверное, потому что при них присутствовала мадам Картрейсис. Она не часто говорила, но когда всё же присоединялась к разговору, то поворачивала его в нужное русло.

Встреча с Домитрусом Вольиром, пожалуй, оставила на Гектора наибольшее впечатление. Самый богатый человек страны явно вёл себя не как остальные, но Гектор бы не стал называть его высокомерным. Мужчина был очень собранным и вежливым, его отношение к Амелии, каким-то образом, было одновременно и дружественным, и враждебным, хотя это, наверное, одна из штук аристократии, которые Гектор пока не понимал.

Что странно, Домитрус ему понравился, но почему именно он не понял.

— Из него вышел бы хороший союзник, — сказала Амелия между встреч. — Семья Вольир на данный момент вторая по влиятельности во всей стране.

Гектор хотел спросить её о том, какая между ними стоит история, но времени было немного, а это, похоже, длинная история.

Вечер продолжался, за встречей следовали встречи, а за ними ещё встречи, и ещё, так что, постепенно, Гектор переставал чувствовать себя гостем и ощущал скорее преступником на допросе.

— «Сколько ещё осталось?» — спросил он Гарвеля.

— «Всего лишь пятьдесят семь», — кисло ответил жнец.

Гектор попытался не вздохнуть вслух. — «Гарвель, если я попрошу тебя отпустить мою душу сейчас, ты это сделаешь?»

— «Только если возьмёшь меня с собой.»

Каждая встреча занимала от пяти до десяти минут, но с такой толпой желающих поговорить с ним становилось ясно, что за эту ночь они просто никак не успеют встретиться со всеми.

Амелия и её ассистент уже занялись написанием писем-извинений, с просьбами перенести встречу на удобное время. Видимо Гектору предстоит внезапные встречи с лордами Атрии ещё и в ближайшие месяца два-три.

Его это точно не обрадовало, но, по крайней мере, у него освободилось хоть немного времени. А ещё он до сих пор не поговорил с Харпером Норецом.

Впрочем, когда момент встречи с ним всё-таки наступил, он сильно отличался от ожиданий.

— «Воу, вы только посмотрите кто пришёл», — сказал Дарсим, жнец Харпера. — «Рад встречи с вами.»

— «Взаимно», — ответил Гарвель, хотя его пустые глазницы смотрели не на жнеца, а на мужчину спящего за барной стойкой. — «Эм...»

— «Ой, точно, простите», — опомнился Дарсим и дотронулся до затылка своего слуги.

Харпер подскочил с места: — Мугх?!

Гектор поймал коренастого мужчину раньше, чем тот успел упасть на пол вместе со стулом. Когда Харпер развернулся и озадаченно прищурился на него, Гектор криво улыбнулся: — Здравствуйте, господин Норец...

Ещё секунду мужчина молчал. — ...О, здорова, — наконец сказал он и поднялся без помощи Гектора, после чего подавил отрыжку и постучал кулаком по груди. — Р-рад видеть вас, парни. К-как дела? Выглядите отлично. Приятель, ты качаешься? Это за-заметно. У меня, кстати, тоже всё - ургх - хорошо, спасибо, что спросили. Вы такие порни- поро- про-ни-ца-тель-ные, знали? Нет никого лучше вас. В-вы, р-ребята лучшие, просто лучшие. Но и вы так знаете, д-да? Если кто-то считает иначе, то п-просто... — Он закачался и ему пришлось схватиться за барную стойку. — П-просто отправьте их ко мне. Я им мозги-то вправлю, нда? И знаете ч-что ещё? Страна у вас тоже заме... замечательная. Вы должны ей гордиться. Вот ей. Страной. Она просто замечательная. И все здесь за-замечательные. Надеюсь, мы ка-как-нибудь сможем...

И он всё продолжал и продолжал.

Гектора, в принципе, всё устраивало, но у него был вопрос: — «Гарвель, а жнецы могут убрать опьянение?»

— «Мм, вроде того», — приватно сказал жнец. — «Мы можем временно подавить его и ослабить похмелье, но потом они вернутся и будет только хуже.»

Видимо Дарсим догадался о чём они думают, потому как предложил: — «Если у вас к нам важный разговор, то я могу быстренько вернуть его в норму.»

— Ты о чём вообще? Я и так нормуль. Вообще-то, сейчас я себя чу-чувствую - ургх - прекрасно. Могу говорить на любые темы. Хотите расскажу секреты вселенной? Задайте любой вопрос, да-давайте. У меня сейчас есть все ответы.

— «О, правда?» — сказал Гарвель, сдерживая смех. Гектор уже чувствовал, что его жнец решил приколоться.

— Правдой не бывает! — ответил Харпер, громко шмыгнув носом.

— «Ладно, тогда я задам вопрос», — сказал Гарвель. — «В чём смысл жизни?»

— Ох, чувааак. Отличный вопрос. Знаешь что? Ты отлично задаёшь вопросы. Тебе кто-нибудь это говорил? Потому что это правда. Пряям сто проц. Чёрт, я бы тебе медаль прямо сейчас дал, если бы мог. И проголосовал бы за тебя. Приходи на выборы. Ты бы стал отличным президе-презе-приз... м-министром.

— «Спасибо», — сказал Гарвель таким голосом, словно находился на самой грани истерического хохота.

— Думаешь я шучу? Неа. Серьёзно. Уверен, ты бы справился. Ну. Со всем справился, тип. Вообще всем, понимаешь?

Гарвель закивал: — «Да-да, но ты хотя бы помнишь моё имя?»

Харпер прищурился. А затем вдохнул столько воздуха, что Гектор удивился тому, как он не лопнул. — Ага, естественно я помню имя. Твоё. Ты... В... Ввв~?

— «Начинается с “Г”», — посоветовал Дарсим, по какой-то причине решивший протянуть руку помощи не приватно.

— Мм. — Харпер задумался, надолго. — Гранти?

— «Это фельдмаршал Авангарда», — сказал Гарвель. — «Но неплохая попытка.»

— Ба... — Харпер почесал затылок. — Гермал?

— «Гермал?» — переспросил Гарвель. — «Это древний герой фольклора Мельмура. Откуда ты вообще знаешь это имя?»

— Мугх? — было всем ответом Харпера.

Дарсим ответил за него: — «А ты знаток истории, но Гермалом сейчас кличут ещё и выдающегося члена Избавления. Возможно, ты тоже о нём слышал, но не по этому прозвищу. Лжец Листе?»

— «А, да, эту кличку я знаю», — кивнул Гарвель. — «Вы его встречали?»

— «Нет», — ответил Дарсим, — «но один из наших начальников заинтересован в нём, и эта заинтересованность перешла на Харпера.»

Харпер уже даже не слушал. Он неотрывно смотрел на бармена, который сейчас наливал вино другому гостю.

— «Когда трезвый, по крайней мере», — добавил жнец.

— «Хмм. А какой именно начальник, если не секрет?»

Дарсим довольно долго размышлял, видимо выбирая, какой информацией можно поделиться: — «Генерал-капитан Фредерик. Боюсь, у меня нет права дать больше информации. Честно говоря, мне, наверное, не стоило делиться и этим, но я считаю, что вы заслуживаете хотя бы такой толики доверия.»

— «Я понимаю», — сказал Гарвель. — «Поверь мне, оправдываться не нужно.»

Жнецы продолжали разговаривать, но внимание Гектора привлёк знакомый голос: — Лорд Гофф?

Он развернулся и увидел Короля Уильяма, тихо стоящего рядом с ними в своём формальном наряде. Его пальто в основном было белым с серебряными полосами, не считая широкой синей повязки от плеча до пояса. Отсутствие руки было не так и заметно, если не знать, но Гектор видел. На самом деле, это всегда было первым, что он замечал в Короле, и вряд ли ситуация скоро изменится.

Гектор не собирался никогда забывать жестокость Избавления к этому невинному мужчине.

К его Королю.

— Ваше Высочество, — сказал Гектор, неловко поклонившись. — Как Вы себя чувствуете?

Король улыбнулся: — Неплохо, спасибо. А ты в хорошем здравии, мой молодой друг?

— Ээ- д-да. Т-то есть - эээ - спасибо. — Вот дерьмо, опять он нервничает. О Короле Уильяме он знал не так и много, в сравнении с Королевой, но сейчас они просто обмениваются приветствиями. Почему он волнуется больше, чем во время деловых разговоров с кучкой аристократов, которых даже не встречал никогда?

— Выглядишь ты определённо хорошо, — сказал Уильям. — А вот бедный генерал-лейтенант - нет.

Они оба взглянули на Харпера, который опять был без сознания. Наверное, Дарсим решил отключить его раньше, чем он успеет выпить ещё.

Гектору стало любопытно: — Вы уже хорошо с ним познакомились?

— Да. И, должен сказать, мне нравится его компания, когда он трезв.

Гектор пожал плечами: — Мне его компания нравится и когда он пьян.

Король хохотнул: — Поначалу я боялся, что опьянение мешает ему защищать мою жену, но тем же вечером он с радостью показал, что может отключать и включать это так же просто, как если бы нажимал на кнопку.

Гектор задумался, знает ли Король о последствиях «отключения», но полагал, что это не так и важно.

— Вы, слуги, очень любопытны, — сказал Уильям. — Термин «слуга» едва ли подходит вам, учитывая всё, на что вы способны.

Гектор опять пожал плечами. Он был уверен, что Король уже знает о жнецах, так что не стал ничего прояснять.

— Честно говоря, я пришёл не за этим, — сказал Король. — Если возможно, я бы хотел пообщаться с тобой. Можем поговорить наедине?

Гектор был немного удивлён, учитывая его серьёзный разговор с королевой ранее этим вечером, но отказывать Королю он не собирался: — Эм, к-конечно. Ведите.

Уильям повёл за собой Гектора через восточный коридор, к маленькому конференц-залу. В нём были слуги дворца, но когда Король попросил оставить его на пару минут, они чуть ли не толкаясь покинули помещение.

Оставшись наедине, Уильям прошёл к другому концу длинного стола посередине комнаты. Прежде чем Король заговорил снова, Гектор заметил Гарвеля, пролетевшего через стену.

— «О чём говорите?»

— «Пока не знаю», — ответил Гектор. — «Король, кажется каким-то... опасаящимся, что ли.»

На этом их разговоре пришлось прерваться, потому как заговорил Уильям: — Я думаю об этом уже несколько месяцев, но даже со всем этим временем на подготовку, всё ещё не знаю с чего начать.

Гектор сочувственно кивнул. После чего решил, что Король нуждается в поддержке, так что сказал: — В чём бы ни было дело, я Вас выслушаю.

Король поднял взгляд на него: — Я благодарен за это. — После чего опять опустил.

Снова наступила тишина, но Гектор решил сохранять молчание.

— В прошедший год, — сказал Уильям, — я был вынужден узнать, что мир гораздо страннее и ужаснее, чем я осмеливался думать. В частности, существование жнецов заставило меня заняться переоценкой моих взглядов на... многое.

Гектор всё ещё ждал.

— ...Как много ты знаешь о моей семье? — спросил Король. — О семье Белгрант?

— Эм... не очень много, наверное.

— Тебе знакома история о том, как появился дом Белгрант?

Гектор помотал головой.

— В таком случае, я должен рассказать, прежде чем продолжу. Прости, если это покажется тебе эгоистичным. Я не стал бы тратить ни твоё, ни своё время, не будь это важно.

— Конечно.

— Прежде чем появилась Атрия, эти земли принадлежали Империи Моссиан, — начал Уильям. — В то время дома Белгрант тоже не существовало, в отличие от практически каждой другой влиятельной семьи присутствующей на сегодняшнем Празднестве. Если говорить об аристократии, то мы довольно молоды.

— Вы говорите о событиях, которые произошли больше трёхсот лет назад, — сказал Гектор. — Если Ваш дом юн, то как тогда назвать мой?

Король тихо засмеялся: — Неплохое замечание, но такова природа аристократии этой страны. — Он замолчал на время, вероятно собираясь с мыслями. — Как бы там ни было, возвышение моей семьи к классу знати прочно связано с независимостью Атрии.

— Ээ, я не знал, — признался Гектор. — Я, эм... когда-то читал об этом, но не помню упоминания семьи Белгрант.

— Что ж, ну, исторически мы внесли слишком малый вклад. Аристократы того времени наверняка посчитали, что наше возвышение в их ряды и так достаточная награда.

— Понятно...

— Но если ты знаешь, как Атрия достигла независимости, то должен знать, что всё прошло мирно и без пролития крови.

— Ага, — подтвердил Гектор. — Это особенно впечатляет на фоне всей жестокости, что гуляла по миру в то время.

— Именно, — кивнул Уильям. — Некоторые даже считают, что это было нечто большее. Что такое в принципе должно было быть невозможным.

Гектор не понимал к чему клонит Король.

— Подобные заявления я не мог принять серьёзно в прошлом, — сказал Уильям. — Да и какие у меня причины сомневаться? То было достижение заставляющее восхищаться, а не задаваться вопросами — и тем более не топливо для теорий заговора или сверхъестественных заявлений.

Гектор не смог скрыть удивления: — Что Вы пытаетесь сказать?

Король глубоко вдохнул, прежде чем продолжить: — Я просто хочу сказать, что были свидетельства — которые я раньше не принимал во внимание из-за их сверхъестественности — того, что мой предок использовал что-то из вашего мира, чтобы помочь защитить независимость Атрии от Империи Моссиан.

— Что именно?

— Какой-то предмет, насколько понял.

— Почему Вы так считаете?

— Истории передаваемые в моей семье подразумевают его существование. А не так давно... — Уильям потянулся рукой во внутренний карман. — ...я обнаружил вот это.

«Этим» была маленькая помятая книга в кожаном переплёте с чёрным краем, скорее всего обгоревшем.

— Того предка звали Чарльз Белгрант, — сказал Король. — К несчастью, это не его дневник. Насколько я могу судить, он не умел ни писать, ни читать, хотя именно благодаря ему наша семья стала аристократической. Это дневник его старшей дочери, Ирины Белгрант.

Гектор был заинтригован: — И что в нём написано?

— Ну, как можно заметить, он немного... обгорел. Думаю, причиной тому послужил трагический пожар, чуть не прекративший мою родословную, и который спалил замок Белгрант дотла.

— Вау, эээ... мне очень жаль это слышать.

— Как и мне.

Эта информация вызвала у Гектора неожиданный вопрос: — Сколько раз этот замок был уничтожен, кстати?

Король задумался на секунду: — Четыре, думаю.

Гектор широко раскрыл глаза: — Серьёзно?

Он кивнул: — Но не будем менять тему. Этот дневник, стоит понимать, освещает лишь часть жизни и достижений Чарльза, но прочитав его несколько раз я могу с уверенностью сказать, что в нём указывается владение Чарльзом каким-то особым предметом, пусть и недолгое время. А ещё указывается, что он потерял его, хотя мне не удалось понять, когда именно это случилось.

Особый предмет, значит?

После всего, что случилось с ним во время прошлой охоты за сокровищами, Гектор как-то не был рад связываться с ещё одним.

Но и сказать, что ему не любопытно, тоже не мог: — У Вас есть догадки на счёт того, чем именно был этот «особый предмет»?

— Не совсем, — сказал Уильям. — Я надеялся, что Вы поможете мне обнаружить больше деталей - или сам предмет, даже.

— А. Хмм. — Гектор чуть не спросил, что Король ожидал от него, но сдержал свой язык.

Однако сам Король, похоже, ещё не закончил: — Единственные зацепки, которые у меня сейчас есть, это то, что предмет связан с историей Чарльза и независимостью нашей страны. А это не сказать много.

Гектор наклонил голову, после чего пожал плечами: — Ну, это лучше, чем ничего. Расскажите мне.

— Хорошо, — вздохнул Уильям. — Историю часто рассказывают по-разному, но начинается она всегда одинаково: Чарльз обладал духом искателя с раннего детства. Он присоединился к армии не для того, чтобы служить Империи, но чтобы сбежать из Санлэнда, своего родного городка. И жизни в бедности, полагаю.

Король перевёл дыхание и продолжил: — Его время в моссианской армии всегда приукрашивают, а записи службы представляют время не богатое на события, но я чувствую, что нечто важное должно было случиться с ним в этот период жизни, потому как в каждой истории он возвращается в Атрию другим человеком. Харизматичным и уверенным. Он женился и начал семью. Быстро построил репутацию надёжного и представительного мужчины. И хотя экстравагантным его образ жизни не назвать, финансовых проблем, похоже, у него больше не было.

У Гектора уже появились вопросы, но он решил сперва выслушать историю до конца.

Уильям продолжил: — Чарльз вступил в движение за независимость через несколько лет после его начала, когда оно стало широко известным. По различным причинам он путешествовал между разными странами, но постепенно разные причины становились всё более связаны с революцией назревающей в Империи. — Король замолчал, секунду он смотрел Гектору в глаза. — Рейнлорды были среди них. Льюк и Марсело Редуотер. Возможно, ты их знаешь?

Последнее имя показалось знакомым, но первое он не узнал.

Гарвель privately подсказал: — «Эти двое главные зачинщики Восстания Красных Вод*. Я с радостью расскажу о них попозже.»

(*Редуотер - Redwater - Красная Вода)

Гектор и не сомневался в энтузиазме жнеца. — Восстание Красных Вод, — решил ограничиться Гектор.

— Да. Теперь, если подумать, владение Уоррен имеет непосредственное отношение к восстанию, верно? — улыбнулся Король, но за его глазами чувствовался неподдельный интерес. — Какое интересное совпадение.

Гарвель уже смеялся: — «А Король-то помешан на истории, а?»

Гектор тоже начинал так думать.

— «Нужно почаще с ним разговаривать.»

Теперь не удержал смешок Гектор. И на очевидное любопытство Короля, он попытался объяснить: — Думаю, Вы понравились моему жнецу, Ваше Высочество.

— О? Эм... я польщён. Наверное.

— Да, это комплимент.

Мужчина поводит взглядом по комнате: — Что ж, тогда спасибо, где бы ты ни был.

Гектор показал где находится жнец и король остановил свой взгляд на пустой - для него - точке.

— «Эй, эй! Назови ему моё имя!»

— Его, кстати, зовут Гарвель.

— А, да, я слышал это имя раньше. Хелен его упоминала.

Гарвель ахнул: — «Вот теперь польщён я. Скажи ему, насколько я польщён.»

— Теперь он тоже польщён.

— «И добавь какой я умный и красивый.»

— «Заткнись, Гарвель.»

— Что ж, рад угодить, — сказал Уильям.

Гектор, улыбнулся, но в то же время поднял бровь.

— Хех. — Король на мгновение посмотрел вдаль, словно погружаясь в воспоминания. — Мой отец постоянно произносил эту фразу. Ему очень нравилось делать людей счастливыми. — Через мгновение ностальгия исчезла из его взгляда. — Но, как мне кажется, мы снова сошли с темы. Где я остановился в истории Чарльза?

— Он встречался с революционерами по всей Империи, — ответил Гектор.

— Точно. В это время движение за независимость Атрии как раз начало набирать обороты. В основном, как мне кажется, благодаря идее достичь независимости мирным путём, воздвигнутой Домитрусом Люменбелом. Новости о жестокости и бесчеловечном насилии со всего мира в то время вызывали у людей ненависть к любым упоминаниям войны. Чарльз, тем временем, как раз возвращался из долгого путешествия, и именно в этот момент его история становится... сомнительной.

Гектор просто наклонил голову и ждал.

— Насколько могу сказать, до этого момента жизни у Чарльза не было никаких прямых контактов с аристократией. Он построил довольно неплохую сеть друзей и знакомых по всей Империи - а может даже и за её пределами - но аристократия Атрии никогда в неё не входила. До этого момента, после которого начинается его продолжительная вовлечённость в дело независимости и контакт между аристократией и низшим классом.

— Почему он был выбран посредником между этими двумя противоборствующими группами... не понятно. Может быть, дело просто в его харизме, но мне это кажется странным, учитывая те трудные времена. Вот не могу я поверить, что кого-то без единой капли знатной крови выбрали для такой задачи. Все остальные посредники были хотя бы отдалённо, но

аристократических кровей. Дальний родственник пятого сына. Пасынок эксцентричного лорда. Низшая знать – тоже знать. Но только не Чарльз.

Возможно, он несколько опоздал с этим, но Гектор решил пододвинуть один из стульев и сесть.

Король остановился лишь на мгновение, после чего продолжал: — Уверен, Чарльз, в то время, уже обладал этим особенным предметом.

— Из-за роли посредника?

— Да. Как мне кажется, его назначение посредником достаточно странное, чтобы быть вызванным сверхъестественными средствами.

— Хмм.

— В любом случае, работа посредников в то время была очень важна. Может быть, аристократия ненавидит это признавать, но им нужна поддержка публики в таких вопросах, иначе пришлось бы столкнуться одновременно и с революцией, и с гражданской войной. И, более того, тогда ещё не была назначена королевская семья Атрии. Аристократия могла выбрать любого из своих, но, естественно, если бы избранник был слишком ненавистен простолюдинам, это могло бы привести к быстрой гибели молодой нации.

— «Знаешь, я правда очень ценю все эти не-нужные-но-уместные-и-интересные детали», — сказал Гарвель. — «Этот мужчина нашёл ключик к моему сердечку.»

Гектор знал, что это не было сарказмом.

— Поэтому, — продолжал Король, — Домитрус Люменбел стал кандидатом в короли. У него была и родословная, и характер для этой цели. Сейчас-то мы знаем, что первым королём Атрии станет именно он, но тогда конкуренция была сильна. Его главным соперником был Линас Вольир, и в соревновании между ними значительным фактором послужил Чарльз. Понимаешь ли, в Брайтоне был проведён турнир. — Король ненадолго замолчал, что-то вспомнив. — Это, кстати, твой родной город, да?

— О. Не совсем, я родился в Селбари, — ответил Гектор. — Но моя семья переехала, когда я ещё был маленьким, так что, честно говоря... не думаю, что у меня есть родной город, наверное. — Через секунду он почувствовал, что должен добавить: — Но Серая Скала мне пока что нравится.

— Понятно, — сказал Король. — В любом случае, турнир прошедший в Брайтоне был не таким, как можно было бы представить. — Прежде чем продолжить, он немного отпрянул и улыбнулся: — Хотя, с другой стороны, ты, наверное, представил его правильно.

Гектор приподнял бровь: — В каком смысле?

— Хех. Потому что это был рыцарский турнир.

Гектор не был удивлён. Очевидно, что это был рыцарский турнир. Какой ещё турнир мог пройти три сотни лет назад?

Но через секунду он подумал, что ещё это могла быть какая-нибудь забава супер богатых старых людей, вроде поло.

О, но это и имел в виду Король? Ведь он сразу представил всё правильно.

Хмм.

— В отношении физической силы, уверен, этот турнир был бы затмит монструозными рыцарями Интара или Саира, — сказал Король, — но мне всё равно кажется, что это событие несравненной важности в истории Атрии.

— Чарльз, конечно, не был рыцарем, — продолжил Король, — так что не мог участвовать лично, но он подружился с Полом Гринвэем, который участвовал - и весьма блистательно, должен заметить.

— Видишь ли, Пол был одним из множества рыцарей, что поддерживали Домитруса, но их всё равно было меньше, чем рыцарей поддерживающих Линаса. Официально наградой за победу в турнире было немного золота и лошадей, но неофициально, по устному соглашению между лордами, победившая фракция должна была возглавить движение независимости нации.

— Как ты можешь представить, это несколько подняло ставки. В частности, турнир был очень жестоким, больше десяти мужчин погибло, многие были ранены. Ходили слухи о саботировании лошадей и снаряжения, о вездесущих взятках, и даже попытках убить участников во сне.

Гектор смотрел во все глаза: — Охренеть...

— Не слишком «аристократично», верно?

У Гектора появился вопрос, который он и хотел, и не хотел задавать: — А... фракция Короля Домитруса тоже занималась этим?

— Наверняка не известно, но не удивлюсь, если так и было. По крайней мере, я подозреваю, что Чарльз сделал что-то, из-за событий в конце турнира. Пол Гринвэй в финале вышел в одиночку против четверых, так ещё и без коня, потому что половина его команды не смогла

участвовать из-за ужасных болей, а единственный компаньон был убит мгновенно, и даже лошадь сбросила его и сбежала.

Гектор догадывался к чему всё шло: — И он всё равно победил?

— Да. Показав чудесные способности, Пол Гринвэй сумел победить в одиночку.

— Вы считаете, что он тоже был слугой?

— Это один из вариантов, — сказал Король, — но по всей известной мне информации, за исключением этого события, Пол прожил ничем не выдающуюся жизнь. Никогда больше он не выделялся в бою, а умер во сне в возрасте семидесяти трёх.

— Хмм.

— Возможно он скрывал свои способности весь остаток жизни, либо эти записи просто фальшивые, но я теперь придерживаюсь мнения, что Чарльз дал Полу какую-то сверхъестественную поддержку.

— А о самом бое что-нибудь известно?

— Только то, что ни одному противнику не удалось даже коснуться его. А ведь в предыдущем бою он был ранен.

— Это действительно звучит подозрительно... — Гектор сомневался, что даже с Шарфом Амурдина смог бы избежать всех ударов четырёх всадников.

Хм, а может быть и смог бы. Ему даже немного захотелось попробовать.

— В итоге, — продолжил Уильям, — насколько я понял, именно этот турнир послужил для Чарльза стартовой площадкой к аристократии. Естественно, репутация Пола после турнира возросла до небес, а их дружба укрепилась. Практически на каждом событии посещённом Полом после турнира, Чарльз тоже присутствовал.

Король перевёл дыхание: — ...Итак, наконец-то мы подошли к сути. Толчок к независимости. Роль Чарльза в качестве посредника между аристократией и простолюдинами была важнее, чем когда-либо. Он не только понимал трудности простых людей, но и мог выразить их перед лордами, не оскорбляя и не принижая их.

— За шесть месяцев после турнира в замке Брайтона, Чарльз получил репутацию харизматичного и надёжного человека. Это именно он уговорил советников Короля Домитруса построить Дворец Бослят, чтобы показать богатство и власть гостям нашей нации.

Гектор внимательно слушал, но про себя удивился: в Брайтоне был замок? Стоит ли он до сих пор? И как он выглядел? А как выглядит сейчас? Какие укрепления в нём построены? Он всё ещё функционален?

— По этой причине, — продолжал Король, — как я считаю, Домитрус выбрал Чарльза в члены встречающей группы Номинуса Лобо, знаменитого посла Империи Моссиан, уговорившего Императора даровать Атрии независимость.

Гектор кивнул. Он не так давно читал про Лобо, но по какой-то причине упоминание этого казалось плохой идеей, как если бы он пытался покрасоваться. И ещё он не хотел прерывать Короля — ему очень нравился трепет, с которым мужчина рассказывал об этом.

— Со следующей частью истории многие историки Атрии не согласны, — сказал Уильям. — Многие считают, что роль Чарльза в убеждении посла Лобо была минимальна, если не сказать никакая. Но я в это не верю. Двое других членов встречающей группы описали свой опыт и оба заявили, что Лобо был чрезвычайно недоволен, как только приехал. Он отказался пробовать местную кухню и потребовал, чтобы в каждом блюде были особые ингредиенты, например карамбола, фрукт растущий по другую сторону мира, в Ардоре.

— Боже...

— Он несколько раз выразил неуважение к Королю Домитрусу и даже попытался навязаться его жене, а также нескольким другим женщинам.

Гектор крепко сжал губы и пытался представить это.

— Однако, — продолжил Король, — на третий день его отношение внезапно полностью переменялось. Он стал гораздо дружелюбнее и любезнее. Даже извинился за своё прошлое поведение.

Гектор почесал щеку, всё ещё несколько скептический: — И вы считаете, что Чарльз стоял за этим?

— Да.

— Но... — Гектор боялся, что может испортить Королю настроение, но должен был знать: — Собственные записи Лобо ни разу не упоминают Чарльза Белгранта.

— О! — Король не только не разозлился, но ещё и засиял даже ярче: — Ты читал их?

Вот дерьмо, он же собирался держать это при себе: — Эээ, н-ну да...

— Чудесно! — улыбка мужчины стала ещё шире, но затем он наклонил голову: — Почему ты выглядишь таким смущённым?

— Эм... я... эээ... — Вот дерьмо, что он должен сказать? Может просто правду? — Я... я не знаю.

Брови мужчины опустились, либо в озадаченности, либо в сочувствии. Либо и в том, и в другом. — Ты очень странный парень.

Гектор просто потёр шею и отвернулся.

— Но ты прав, — сказал Уильям. — Номинус Лобо не упомянул Чарльза в личных записях о тех событиях. Именно этот факт используют большинство историков, когда пытаются принизить роль Чарльза в движении независимости.

— Эээ, я не хотел показаться невежливым или-

Уильям поднял руку: — Не стоит, я всё прекрасно понимаю. Не беспокойся. Я благодарен за заботу, но она неуместна. Я, конечно, чту наследие своей семьи, но не гордыня подтолкнула меня поделиться этой историей. Скорее я надеюсь, что она будет полезна тебе - или, возможно, твоему жнецу.

Гектор взглянул на Гарвеля.

— «Вежливый парень», — сказал жнец.

— В любом случае, — сказал Уильям, — есть причины заставляющие меня верить, что личные записи Номинуса Лобо могут быть неверны, и дело в рыцарском турнире Пола Гринвэя.

— В последние годы жизни, — продолжил Король, — Пол написал мемуары, в которых сказал, что несмотря на то, какое воздействие оказал турнир на всю его жизнь, он не помнил своей победы. Он не помнил ничего после первого раунда, в котором был ранен. Следующим его воспоминанием было пробуждение, после которого ему рассказали обо всём, что он сделал.

Глаза Гектора опустились к полу, он задумался над этим.

— На мой взгляд, — сказал Король, — это говорит о природе вмешательства Чарльза. Я считаю, что он как-то помог Полу, после чего стёр его воспоминания об этом. И если дело обстоит так, то я не вижу ничего странного в том, что такой же трюк мог сработать на Лобо.

Гектор молчал. Эта история начинала казаться до неприятного знакомой.

Король показал на подгорелую книгу, которую достал в начале разговора и положил на стол. — В журнале Ирины описана история встречи Лобо с перспективы её отца. По её словам, Лобо стал гораздо «дружелюбнее», после того как Чарльз показал ему... что-то. Кусок, в котором Ирина называла или описывала этот предмет, похоже, выгорел.

Ну естественно, подумал Гектор. — Так... подводя итоги... это информация из вторых рук, описывающая информацию из первых рук. И она частично подгорела, так что эта информация ещё и неполная.

Прошла секунда, Король просто смотрел на него. — Да, вроде всё так.

Гектор, усмехнувшись, кивнул: — Отлично.

— Думаю, ты уже понимаешь, почему большинство наших историков не слишком доверяют этой истории.

— Да, Ваше Высочество, понимаю.

— Признаюсь, источник не идеален.

Гектор сдержал вздох, но не потому что нашёл историю Короля невозможной. Скорее, если быть на сто процентов честным с собой, он уже в неё верил. Хотя и желал обратного.

Всего три месяца назад он, наверное, отнёсся бы к такой истории гораздо скептичнее, но после опыта в Подкорке - в частности, в Гиммикеле - эта глупая, едва имеющая смысл история Короля, была ему чертовски знакома.

Магический артефакт с такой силой... что ж, с недавних пор поверить было не трудно.

Угх.

Почему-то Гектор чувствовал, что в этот момент вся история независимости Атрии была испорчена для него. Думать, что Дворец Бослят и всё его богатство оказались так великолепны, что поразили посла Лобо и изменили курс истории, было так здорово. Он очень удивился, когда узнал об этом.

Если подумать теперь, то ему очень нравилась эта часть истории.

Которая была разрушена каким-то мозгоё*ством при помощи тёмной магии.

Ну твою-то мать, а?

<http://tl.rulate.ru/book/1701/687187>